

И. К. ЗЛАТКИН

ЗАЯ-ПАНДИТА — КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Жизнь и деятельность Зая-Пандиты остаются до сих пор малоизученными. Литература о нем, вообще небогатая числом, обычно представляет его в роли лишь реформатора монгольской письменности и ревностного проповедника ламаизма, активно искоренявшего остатки шаманистских верований среди монголов и ойратов. При этом, если верить авторам, арена его деятельности ограничивалась территорией ойратских кочевий, а сам он был, если можно так сказать, деятелем местного ойратского значения.¹

¹ См. А. Попов. Калмыцкая грамматика. Казань. 1848, стр. VI; А. Бобровников. Грамматика монгольского языка. Казань. 1849, стр. VI; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л-д, 1929, стр. 25—26; С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л. 1941, стр. 14, 60 и др.; Ю. Лыткин. Материалы для истории ойратов. Астраханские губернские ведомости. 1861, № 16; К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб. 1880, стр. 94, 129; Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Л-д. 1927, стр. 22; А. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы. Владивосток, 1908, стр. 126 и др.

Есть много оснований считать, что такое толкование роли Зая-Пандиты в истории народов Центральной и Восточной Азии середины и второй половины XVII в. не соответствует действительности. Наоборот, можно считать установленным, что он был не только просветителем и церковником, но и выдающимся для своего времени политиком, чья деятельность далеко не ограничивалась узким кругом интересов ойратского нойонства и пределами только ойратских кочевий.

В полном объеме роль Зая-Пандиты в событиях того времени будет раскрыта тогда, когда в научный оборот вступят материалы тибетских и китайских архивохранилищ — в первую очередь тибетских, когда ученые Монгольской Народной Республики со своей стороны продолжат обследование архивов и библиотек Республики, из рукописных фондов которых они уже извлекли и опубликовали такой ценный источник, как биография Зая-Пандиты, написанная вскоре после смерти последнего его учеником Раднабхадрой.¹ До этого указанная биография была известна лишь узкому кругу специалистов по двум спискам, хранящимся в фондах Института востоковедения АН СССР и Ленинградского Государственного университета. Можно надеяться, что историки МНР найдут в архивах и библиотеках Республики немало новых ценных материалов, с помощью которых удастся расширить и углубить наши знания об

1) *Ratnavhadra. Ravjamba Say-a bandida-yin tujiji saran-u gerel ketekii ene metu bolai. Ulanbator. 1959.*

исторических событиях той эпохи и об участии в них Зая-Пандиты.

Но пока что Уланбаторское издание биографии Заи является единственным печатным источником, позволяющим в какой-то мере судить о его политических взглядах, о его активной и разносторонней политической деятельности. Будучи однако единственным, этот источник, конечно, не может считаться достаточным для полной и исчерпывающей характеристики Заи как политического деятеля, но он, нам кажется, достаточным для опровержения господствующего в литературе представления о нем только как о реформаторе письменности и религиозном проповеднике; он достаточен, на наш взгляд, и для обобщенной, взятой в самых общих чертах, характеристики его политических взглядов на актуальные проблемы своего времени и общей направленности его политической деятельности. Следует при этом отметить, что о его взглядах мы можем судить только по его делам, ибо нам пока неизвестны его устные или письменные выступления по проблемам тогдашней общественной жизни.

Представим себе обстановку в Центральной и Восточной Азии, как она сложилась и складывалась ко времени появления Зая-Пандиты на исторической арене. Известно, что вторая половина XVI и почти весь XVII вв. были во многих отношениях временем круглых поворотов в исторических судьбах народов, обитавших в этой части земного шара. Завершился процесс консолидации казахской и узбекской народностей, сопровождавшийся становлением и развитием соответствующих государственных образований, занявших место рухнув-

шей Могулистанской державы; на Крайнем Востоке возникло государство маньчжурских феодалов, овладевших в сер. XVII в. Китаем и поставивших у власти свою Цинскую династию, в основе политики которой вплоть до конца XVIII в. лежала безудержная экспансия против всех соседних стран и народов, на просторах Сибири, Забайкалья и Центральной Азии появилась новая мощная сила в лице Российского государства, политика которого в этих районах и в это время в силу ряда объективных обстоятельств была лишена резко выраженного насильственно-захватнического характера; в Западной Монголии и Джунгарии развернулся процесс разделения и расселения ойратов, завершившийся к сер. XVII в. образованием трех самостоятельных ханств — Джунгарского, Калмыцкого и Хошутского; феодально-теократический Тибет, ставший очагом распространения желтошапочного ламаизма в Монголии и получивший взамен могущественную поддержку монгольских феодалов, приобрел значение важного международного фактора, решающим образом влиявшего на политику монгольских и ойратских ханств и княжеств, державшего курс на их объединение и консолидацию с целью создания могущественного монголоязычного ламаистского государства под эгидой лхасских первосвященников.

На фоне этой обстановки и разворачивалась политическая деятельность Зая-Пандиты; ею она была обусловлена.

Выходец из аристократического дома хошутов, Зая в 16—17 лет был усыновлен хошутским правителем Байбагас-батуром, посвящен в баньди и в 1616 г. направлен для

учебы и воспитания в Тибет, где провел 22 года. Мы мало что знаем о жизни Зай в Тибете. Но нельзя не отметить некоторые факты, сообщаемые его биографом. Прибыв в Лхассу, Зая нашел приют в доме Дипы — главы управления светскими делами в Тибете, при особе которого некоторое время состоял. Это обстоятельство не могло быть случайным. Едва ли многие послушники, прибывшие в Лхассу для изучения премудростей ламаизма, удостоивались чести быть квартирантами в доме первого сановника страны. Зая приступил к учебе. Его дальнейшая карьера поражает своей стремительностью. В возрасте 27 лет он получил высокую ученую степень рабджамбы и был вскоре назначен на пост настоятеля одного, затем другого крупнейшего монастыря Тибета, став одним из десяти наиболее приближенных к Далай-ламе сановников.

В 1638 г. руководители церкви Тибета предложили Заю вернуться на родину, к тем, — как рассказывает биограф, — «кто говорит на монгольском языке», имея целью распространять «желтую веру в Халхе и Ойратии, стать ламой монголов и ойратов»¹. Так автор биографии формулирует поручение, данное Заю его духовными учителями и наставниками, Далай-ламой и приближенными последнего, по-

1) *Yuriban bozda orösiyen šajin-du tusa bolxu-yi ailaddun, öbersed-ün oron-du monjol keleten-dü zarzarusun yosu, zarzarad monjol oyirad-un blam-a bolju nom oröiçubün, doluxan xošijü, dörben oyirad-tu šajin delgeregüülügsen yosu tal* 4

ручение, которое Зая должен был выполнить, вернувшись на родину. В этом поручении подчеркивается, что ареной деятельности Зая будут не только ойратские кочевья, но и кочевья халхасов, что объектом его деятельности должны быть не только ойраты, из среды которых он вышел, но все, говорящие на монгольском языке, т. е. все монголы. Ко всем монголам руководители ламаистской церкви Тибета командировали Зая-Пандиту, они хотели, чтобы он стал общемонгольским ламой, наставником всей Монголии. Было ли это поручение связано только с интересами религиозной пропаганды? Едва-ли. Зая-Пандита не был ни первым, ни единственным ламаистским вероучителем в Монголии и Джунгарии. В Джунгарии в это время жил ранее прибывший из Лхассы Инза-хутухта, активно внедрявший ламаистское вероучение, в Халхе такую же работу выполнял представитель Лхассы Очир-Дара-хутухта, кроме указанных, в различных районах Монголии действовали в интересах желтой веры многие другие ламы.

Наличные источники не позволяют уверенно говорить о том, что именно лежало в основе командировки Зая-Пандиты, чем руководствовались ламаистские первосвященники Тибета, наделяя Зая такими чрезвычайными полномочиями? Вопрос этот имеет очень большое значение и к нему должно быть привлечено внимание исследователей. Мы можем лишь высказать предположение, что здесь дело не только и может быть не столько в дальнейшем распространении ламаизма в Монголии, сколько в событиях общеполитического характера, интересовавших Лхассу. Команди-

рование Заи совпало с двумя важными событиями в жизни монголов и ойратов. В это время шло формирование трех ойратских ханств на базе откочевавшей из Джунгарии одной части ойратов на Волгу, где складывалось Калмыцкое ханство, другой части ойратов в степи Кукунора, где возникло Хошутское ханство и консолидация оставшихся ойратов в Джунгарское ханство. К этому же времени относится разгром Чахарского ханства маньчжурскими завоевателями и переход под их власть всех монгольских владений южнее пустыни Гоби; маньчжурская экспансия вплотную приблизилась к границам Халхи. Именно в этой обстановке лхасские первосвященники признали полезным и своевременным направить Заю к «говорящим на монгольском языке», к исповедующим вероучение Будды и Цзонховы, поручив ему стать ламой, т. е. наставником Халхи и Ойратии. Заметим, что о Южной Монголии, превратившейся в провинцию маньчжурской империи, Лхасса такой заботы не проявила.

Осенью 1639 г. Зая был уже в Джунгарии и зимовал в Тарбагатае во владениях хошутского Очирту-тайджи, сына Байбагасбатура, приемного отца Заи. Отметим, что в описываемое время еще сохранялась видимость дуумвирата, претендовавшего раньше на управление ойратскими нойонами, упорно не желавшими признавать никакой центральной власти. Дуумвират этот состоял* из часто упоминаемых летописцами «хоёр тайджи», одним из которых был правитель хошуттов, другим — правитель чоросов. Конец XVI в. положил начало непрерывному усилению чоросских нойонов, в связи с чем дуумвират все более пре-

вращался в фикцию, хошутские нойоны вынуждались к отступлению перед крепнущей властью представителей чоросского дома. Будучи выходцем из хошутов, Зая в течение всей своей жизни не порывал связей с сородичами, чаще всего и дольше всего он жил во владениях Очирту-тайджи, получившего от Далай-ламы вскоре после возвращения Заи титул Цецен-хана. Это однако не мешало ему поддерживать неизменно хорошие отношения с чоросами, с Батуром-хунтайджи в частности, ставшим к данному времени фактическим ханом ойратского государства в Джунгарии. Зае не раз приходилось принимать меры к тому, чтобы не допустить обострения отношений между Батуром-хунтайджи и Очирту-Цецен-ханом. Биограф даже отмечает, что благодаря Зае и в его присутствии в 1649 г. состоялась встреча между соперничающими дуумвиратами, причем в ходе этой встречи Очирту «сблизился с Эрдени-хунтайджи».

В 1640 г., через год после возвращения Заи на родину, в Тарбагатае, видимо, во владениях Очирту-Цецен-хана, состоялся знаменитый Джунгарский съезд, утвердивший широко известный свод законов «Цааджин бичиг». Нам неизвестна роль Заи в подготовке и проведении этого съезда. Ничего не говорит об этом и его биограф, ограничившийся глухим и не очень ясным указанием на то, что такой съезд состоялся, что на нем присутствовали Засакту-хан из Халхи, «два тайджи» из Джунгарии и другие. Но, учитывая, с одной стороны, полученные Заей от лхасских первосвященников перед его отъездом на родину напутствия, с другой—характер постановлений «Цааджин бичиг», их политическую и социальную на-

правленность, полностью совпадающую с указанными напутствиями, кажется невероятным, чтобы Зая не принял в этом деле активного участия, чтобы он не использовал авторитет Лхассы и свой собственный с целью обеспечить успешное завершение работы съезда. Участники съезда, как известно, торжественной клятвой обязались неукоснительно соблюдать принятые постановления.¹

В этой связи большой интерес представляет сообщение биографа о том, что в начале 1641 г., т. е. вскоре после окончания работы съезда, Зая-Пандита отправился в Халху к Дзасакту-хану, направившему к нему специального посла с приглашением. От Дзасакту-хана он поехал к Тушету-хану, а затем к Цецен-хану, также приславших ему специальные приглашения. Всего Зая пробыл в Халхе около полутора лет и стал, как говорит его биограф,—«ламой трех главных халхаских ханов».² Дзасакту-хан уговаривал Заю остаться в Халхе еще на 2—3 года, но Зая отклонил это предложение, сославшись на то, что представителем Лхассы в Халхе является Очир-Дара-хутухта.

¹ К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб, 1880.

² *ᠵᠠᠰᠢᠰᠠᠬᠤ ᠬᠠᠨ-ᠤ-ᠡᠸᠡ ᠲᠢᠰᠢᠶᠡᠲᠦ ᠬᠠᠨ-ᠤ-ᠳᠤ ᠶ᠋ᠠᠯᠠᠪᠠ ᠲᠢᠰᠢᠶᠡᠲᠦ ᠬᠠᠨ-ᠤ-ᠡᠸᠡ ᠮᠠᠬᠤ ᠰᠠᠮᠠᠳᠢ ᠰᠡᠴᠡᠨ ᠬᠠᠨ-ᠢᠨᠤ ᠶ᠋ᠠᠯᠠᠪᠠᠢ... ᠳᠤ-ᠯᠤᠭᠠᠨ ᠬᠣᠰᠢᠵᠢ ᠳᠣᠷᠪᠠᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠠᠷᠠᠨ-ᠤ ᠪᠡᠯᠠᠮ-ᠠ ᠪᠣᠯᠪᠠᠢ. ᠲᠡᠨᠳᠡ-ᠡᠸᠡ ᠳᠣᠯᠤᠭᠠᠨ ᠬᠣᠰᠢᠵᠢ ᠳᠣᠷᠪᠠᠨ ᠣᠶᠢᠵᠠᠳ ᠴᠢᠵᠢᠯᠵ-ᠠ ᠪᠤᠢ. ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ-ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠢᠰᠠᠬᠤ-ᠬᠠᠨ, ᠣᠶᠢᠵᠠᠳ-ᠤᠨ ᠬᠣᠶᠠᠵ ᠲᠠᠶᠢᠵᠢ ᠲᠡᠵᠢᠭᠡᠳᠡᠨ ᠪᠤᠢ... ᠲᠠᠯ 6-7*

Приведенное сообщение биографа убедительно свидетельствует об усердном выполнении Зая-Пандитой лхасских наставлений и о достигнутых им успехах. За какие-нибудь два года он действительно стал признанным общемонгольским ламой. В этом качестве он был первым и последним в новой истории Монголии, ни до ни после него ни один представитель ламаистского духовенства не пользовался привилегией быть ламой главных нойонов всей Монголии. Вполне можно допустить, что столь быстрое выдвижение на общемонгольской культурно-политической арене объясняется не только личными талантами Зая-Пандиты, но и активной поддержкой лхасских первосвященников, заинтересованных в том, чтобы именно он превратился в наставника всех главных правителей еще независимой Монголии.

Присматриваясь к практической деятельности Зай в сфере светской жизни монгольского общества,—как она представлена его биографом,—мы ясно видим, что ее главной целью было сохранение внутреннего мира, примирение всех нойонов, всех говорящих на монгольском языке и исповедующих ламаизм, недопущение новых конфликтов, объединение сил и средств для отражения возможных нападений извне и сохранения независимости.

В конце 1642 г. Зая-Пандита зимует у Очирту-Цецен-хана, лето и зиму 1643 г. он проводит у дербетского нойона Хунделена-Убаши, начало 1644 г. он вновь у Очирту-Цецен-хана, от которого в конце лета того же года едет в Прииртышье. Весной 1645 г. он, приглашенный главным калмыцким тайшой Дайчином, направляется на Волгу, к нойонам

формировавшегося Калмыцкого ханства, где является гостем Гомбо-Ильдена, Лубсана, Санжи-Даши и многих других нойонов, наперебой приглашавших его к себе и щедро одаривавших.¹ У нас нет никаких указаний о характере его деятельности на Волге, мы не знаем содержания его бесед с калмыцкими нойонами и воздерживаемся от каких-либо предположений на этот счет. Изучение обстоятельств, связанных с приглашением Зая-Пандиты на Волгу и его пребыванием там—важная задача, требующая изучения. Но нельзя не поразиться его готовности преодолеть любые расстояния и любые дорожные трудности, если это было необходимо для выполнения поручений, данных ему Лхассой.

Пробыв в Калмыкии около года, Зая в конце 1646 г. вернулся в Джунгарию, где в это время разгорелась борьба между Хунделеном-Убаши и другими дербетскими нойонами. В конфликт стали вовлекаться хошутские, чороские и хойтские нойоны, поддерживавшие одну из двух боровшихся группировок, что создавало угрозу стабильности ханства и даже его существованию. Зая поспешил вмешаться в конфликт. Отправив караван с имуществом к месту зимовки, он налегке поехал к Хунделену-Убаши, выслушал его жалобы на обидчиков и сказал ему, что выяснит об-

1) *tende-ēce tozγuud jalaji, takia jil-un xavuz tozγuud-tu ögede bolbai. dayicing-un kövedün dāšun egke-tayiji nazun nögcigsen-ü nom vuyan-l arui yеке üyiledvei. tovcilaxula xontvoildüng, lubsang, sangji dāsi tevgüten tusvuri jalaji, bazica sedkiši ügei örgübei. tal 9.*

стоятельства дела и постарается восстановить мир. Встретившись с Очирту-Цецен-ханом в его ставке на р. Или и обсудив с ним создавшееся положение, Зая посетил одного за другим едва-ли не всех участников конфликта, подготовив в конце концов примирительную встречу Хунделена с «двумя тайджи» и другими нойонами, состоявшуюся в начале зимы 1647 г. и положившую конец конфликту.

В 1648 г. возник новый конфликт, на этот раз между фактическим ханом Джунгарии Батуром-хунтайджи и одним из владетельных князей по имени Доголон-Серен. И вновь в борьбу стали втягиваться другие нойоны, в их числе Очирту-Цецен-хан и его брат Аблай-тайджи. И опять вмешательство Зая предотвратило дальнейшее обострение борьбы и привело к восстановлению мира. Лето 1648 г. Зая-Пандита провел в ставке Батура-хунтайджи, а зиму у Аблая-тайджи. О дружественных отношениях между Зая-Пандитой и Батуром-хунтайджи и об активном участии Зая в решении внутренних и внешних проблем жизни ханства может свидетельствовать их новая встреча зимой 1649 г. по инициативе Батура. Заслуживает внимания указание биографа о том, что к этой двусторонней встрече присоединился в начале 1650 г. Очирту-Цецен-хан, прибывший с целью повидаться с Зая-Пандитой, но как уже говорилось выше, «сблизившийся с Батуром-хунтайджи». Мы не знаем содержания бесед между участниками этой встречи, не знаем, что планировала эта тройка влиятельнейших деятелей ойратского ханства, но нельзя пройти мимо сообщения биографа, что с места этой встре-

чи Зая поехал к Очирту-Цецен-хану, у которого провел лето 1650 г., а затем отправился к Аблаю-тайджи, стремясь помочь, — как говорит биограф, — делу «религии и государства»¹, а в конце этого года поехал в Тибет.

Какова была цель поездки Зая-Пандиты в Тибет, откуда он по поручению верховных лам выехал 12 годами раньше? Едва ли этой целью было простое желание повидаться с его бывшими наставниками и покровителями. Имеется много оснований предполагать, что в основе этой поездки лежали серьезные внешне-политические проблемы, связанные с монголо-ойрато-тибето-маньчжурскими взаимоотношениями. Следует учесть, что к указанному времени политика монгольских феодалов по отношению к Цинской династии, правившей Китаем, полностью утратила свое единство и была различной у правителей основных монгольских группировок. На путь регулярных торговых и политических контактов с Цинами вступили хошутские правители Кукунора, склонявшие к тому же лхасских первосвященников. Такая политика кукунорских ноёнов объяснялась, возможно, их полной географической изоляцией, делавшей Китай единственным рынком сбыта скотоводческой продукции Кукунора и таким же единственным источником снабжения земледельческими и промышленными товарами. Несколько иным было положение Халхи, на северных рубежах которой крепили позиции Российского государства, что объективно усиливало сопротивляемость Халхи агрессивной политике Цинского

1) *Sajin törü-yin tusa du abalai-yin-du ögede bolbat tal 13.*

Китай; находясь между Россией и Китаем, халхаские правители колебались, маневрировали, то склоняясь в сторону маньчжурского Пекина, то пытаясь опереться на Москву. Что касается правителей молодого ойратского государства в Джунгарии, хозяйственные и политические связи которого с Россией все более ширились и крепились, то они видели свою задачу в том, чтобы удержать «говорящих на монгольском языке и исповедующих ламизм от опасных контактов с Цинской династией, угрожавших политической самостоятельности монгольских ханств и княжеств. И вот, когда в Джунгарии стало известно, что Далай-лама намерен отправиться в Пекин ко двору маньчжурского императора, Зая-Пандита решил поехать в Лхассу.

Что это, случайное совпадение или продуманный политический шаг, подсказанный сложной международной и внутренней обстановкой Монголии? Источники не дают прямого и ясного ответа на этот вопрос. Но если не прямые, то косвенные данные позволяют думать, что здесь не было случайного совпадения, что поездка Зая-Пандиты в Тибет в 1650—1651 гг. преследовала серьезные политические цели. Источники сообщают, что Зая, прибыв в Тибет, неоднократно встречался с Далай-ламой и другими руководителями церкви, участвовал в торжественных богослужениях и беседовал с ними. Нам ничего не известно о содержании этих бесед. Имеющиеся источники об этом тоже молчат. Но нельзя себе представить, чтобы в ходе бесед не был затронут вопрос о целях поездки Далай-ламы, о Цинской династии вообще, о ее политике, об отношении монголов и ойратов к Цинской

империи и к ее политике. Учтем, что правители Джунгарского ханства в это время, как и на протяжении всей последующей истории ханства, были решительными и бескомпромиссными противниками Цинской династии, ведя против нее в течение целого столетия упорную борьбу за сохранение своей независимости.

Китайские источники сообщают, что Далай-лама из Кукунора отправил в Пекин письмо, в котором предлагал императору маньчжуров лично прибыть в Куку-хото или в Датун для встречи его, Далай-ламы.¹ Это письмо вызвало в Пекине целый переполох и стало предметом обсуждения в высших органах государственной власти. Требование Далай-ламы не было с негодованием отвергнуто повелителем Срединной империи, не желавшим портить отношения с ламаистской церковью. Не можем ли мы предположить, что подобное высокомерное требование лхасского первосвященника было одним из результатов его бесед с Зая-Пандитой? Изучение этого вопроса представляет большой интерес.

Биограф Зая-Пандиты сообщает, что на пути в Тибет и возвращаясь оттуда, Зая имел множество встреч с хошутскими ноёнами Кукунора, во главе которых тогда стоял сын Гуши-хана Далай-хунтайджи. Все они торжественно и с большим почетом встречали Зая-Пандиту, просили благословения, советов в делах и щедро одаривали. Большого внима-

1) См. W. W. Rockhill. *The Dalai Lamas of Lhasa and their relations with the Manchu emperors of China* Leiden. 1910. p. 14.

ния заслуживает рассказ о беседе между Зая-Пандитой и Далаем-хунтайджи по поводу Цинской династии. В ходе этой беседы Далай весьма положительно отозвался об императоре маньчжуров и сказал, что считает весьма полезным для монголов и ойратов сотрудничество с маньчжурами. На этом основании он просил Заю, как самого авторитетного и самого влиятельного человека в Монголии, обратиться от своего имени к императору с просьбой, чтобы тот оказал содействие распространению монгольской грамоты и литературы. Зая уклонился от длинных разговоров на эту тему, ограничившись указанием на то, что по его сведениям маньчжурский император горд и высокомерен, но пообещал разобраться в этом вопросе.¹ Конечно, ни с какими просьбами Зая-Пандита к императору маньчжуров никогда не обращался, но как-то говорил автору биографии и другим ученикам неслестные слова о маньчжурском повелителе.

В конце 1652 г. Зая-Пандита вернулся в Джунгарию и зимовал у Очирту-Цецен-хана. Через год, зимой 1653 г., умер правитель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи. Трон хана перешел к его наследнику Сенге. Биограф Заи сообщает, что свои дружеские чувства к Батуру-хунтайджи Зая перенес на его сына, которого любил «как великого нойона, верующего ламаиста и родст-

1) *Blam-a yin gegen mišiyen ayiladji cinii jöv bolvaci, tege omoytai xān amui küžcū bayiji boluy-a kermen jazlij bolvai. Jal 20*

вечника»¹. В эти годы внутреннее положение ханства было довольно устойчивым. Конфликты между нойонами вспыхивали все реже. Зая по-прежнему непрерывно разъезжал по стране, навещая то одного, то другого владетельного князя, организуя встречи между конфликтующими и примиряя их. Его популярность и влияние были исключительно велики. Можно утверждать, что благодаря его усилиям старая вражда между Очирту-Цецен-ханом и родным его братом (по отцу) Аблаем-тайджи, в основе которой лежало недовольство разделом отцовского наследства, длительное время сдерживалась, не перерастая в открытую войну. Но полностью потушить огонь вражды Зая не мог. Летом 1657 г. оба брата сошлись для сражения на р. Эмель. И в этом случае в борьбу стали вовлекаться многие нойоны, угрожая ханству расколом на два враждующих лагеря. Осенью 1660 г. Зая-Пандита уговорил братьев встретиться в его присутствии. Но примирение на этот раз не состоялось. Прошел еще год прежде чем удалось восстановить мир между братьями. Важно отметить указание биографа на то, что эта война причинила много страданий простым людям и что они несказанно радовались прекращению войны.¹

1) *nigen-iyeg yekhe noyan, koyaz-iyeg süsügtei, nuqban-iyeg uzur eligen mön tula. tal 23.*

1) *Olan тагуи күтмүн уйдан жобуузан-ду халдamba жöблөз-е иткүү али илен кетен шиддүгед бүгүдегез байасун үйиледжү жизгал-ун нагал узгуба кетен байасулсабай. tal 29.*

Летом 1662 г., имея 63 года от роду, Зая-Пандита предпринял еще одно путешествие в Тибет, но в пути заболел и осенью того же года умер, не доехав до Лхассы.

Основываясь на скупых показаниях биографии Зая-Пандиты, если не прямо, то косвенно позволяющих судить о его политических взглядах и политической деятельности, мы представляем его себе в качестве деятеля, понимающего пагубные последствия межфеодалных нойонских войн, разорвавших страну и народ, делавших их беззащитными перед лицом внешней опасности, стремившимся примирить всех говорящих на монгольском языке и исповедующих ламаизм, подготовив таким образом условия для их объединения в могущественное единое государство под эгидой церкви, т. е. лхасских первосвященников. Этим же целям косвенно должна была служить и реформа письменности, которая не только делала образование и культуру более доступными широким массам, но вместе с тем способствовала укреплению общемонгольского единства. В конкретно-исторических условиях того времени, когда маньчжурские завоеватели угрожали монголам порабощением и физическим истреблением, политические взгляды и деятельность Зая-Пандиты объективно имели прогрессивное значение.

Смерть Зая-Пандиты прервала его деятельность, но его взгляды и цели еще несколько десятилетий сохраняли силу и жизненность. Их преемственность обеспечивалась руководством ламаистской церкви Тибета, пытавшимся в описываемое время играть в Центральной и Восточной Азии такую же примерно роль, какую играли в средние века в Европе

католическая церковь и Ватикан. Через 9 лет после смерти Зая, в 1671 г. на политической арене появился Галдан-Бошокту-хан, который, как и Зая-Пандита, был обучен и воспитан Лхассой, который, —опять же, подобно Зае,— был командирован ламаистскими первосвященниками в Монголию для «наведения порядка», для объединения всех единоверцев, всех говорящих на монгольском языке в единое самостоятельное государство, независимое от маньчжуров, но направляемое Лхассой. Галдан не достиг цели. Великодержавные честолюбивые планы Лхассы потерпели крушение¹. Они не имели шансов на успех в условиях перехода мира в эру капитализма и централизованных государств, в условиях, когда процесс разделения монгольских народов, обусловленный объективным ходом истории, имел необратимый характер. В этих условиях культурно-исторический прогресс монгольских народов шел не в направлении, указываемом Лхассой, а в стороне от него. Лучшим тому доказательством служит история Калмыкии.

Но это не умаляет положительной роли Зая-Пандиты в истории XVII в.

Изложенная здесь концепция является гипотезой. Она легко может быть оспорена. Но как ее утверждение, так и ее опровержение в одинаковой мере будут неубедительными, пока не будут опираться на надежные источники.

¹ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства М. 1964 г., стр. 233—319.